

Нет для русской деревни большей беды, нежели приезд начальства, будь то княжеский тиун, царев дьяк или чиновник императора. Так было всегда и пребудет вовеки, покуда стоит сей мир, ибо ничего хорошего от этого «крапивного семени»¹ исходить не может, кроме сплошной пакости. И даже когда Государь-Освободитель в неизбывной своей милости соизволил российское крестьянство от крепости освободить, то и тогда эти «чернильные души» ухитрились подлинный манифест от народа скрыть, а вместо него подложный подсунули². Да такой, что настоящей воли теперь разве только внуки ныне живущих попробуют, и то навряд ли.

Так что когда будищевские мальчишки увидели, что по разбитой дороге к ним катит пара экипажей, причем впереди коляска станового, то столбенеть не стали и напрямки бросились домой. Упредить, значит. Потому как у пристава дрожки приметные, да и сам он мужчина видный — косяя сажень в плечах, да кулаки разве что чуть меньшие, чем у старосты самовар. Начальство, понимать надо!

Люди-то как узнали, кто едет, поначалу всполошились, особенно бабы, и ну голосить! А чего кричать, разве этих супостатов криком умаслишь? Но у баб, известное

¹ Крапивное семя — так русские крестьяне называли чиновников и судейских.

² Ходили такие слухи. Уж больно «щедр» оказался манифест к освобожденным.

дело, глаза на мокром месте и им от Бога так заповедано, выть не по делу. Мужики-то они, ежу понятно, разумом покрепче. Сразу смекнули, что за недоимки их сегодня пороть не будут, потому как в таком разе одним приставом не обошлось бы. Было бы ещё хоть пяток стражников, ну или на худой конец солдат.

— Здорово, православные! — зычно крикнул становой, едва только коляска остановилась.

— Здравы будьте, ваше благородие, — хмуро пробубнили селяне, снимая шапки.

Следом за полицейским на землю спустился местный священник и какой-то сморчок в чиновничьем пальто и фуражке с наушниками. Впрочем, за могутными фигурами отца Питирима и пристава его поначалу и не приметили. А зря, от таких самое зло и бывает!

— Благословите, батюшка! — сунулся вперед староста Кузьма.

— Бог благословит! — прогудел в ответ поп и осенил толпу крестным знаменем.

— Значит так, мужики! — сразу взял быка за рога становой. — Я вам, сукиным детям, уже не раз говаривал, что свято место пусто не бывает, а потому слушайте, что вам господин титулярный советник прочитает!

Тщедушный чиновник сначала вытащил из кармана пальто клетчатый платок и принялся долго и со вкусом высмаркиваться. Покончив с этим делом, он вытащил из видавшего виды портфеля какую-то бумагу, развернул её и принялся зачитывать. Но делал это таким гнусавым голосом, что, похоже, его даже стоящие рядом полицейский со священником не поняли. Но те хоть знали, в чём там дело, а вот селяне нутром почувяли беду. И, как оказалось, предчувствие их не обмануло.

— В общем, так, — рыкнул для самых непонятливых пристав. — Вот новый владелец блудовского имения. Которому вы, чертовы перечницы, стало быть, временно-обязанные.

Внимание селян переключилось на второй экипаж, из которого ловко выскочил молодой человек, одетый по-господски, после чего помог выбраться своим спутницам — красивой молодой барыньке в большой шляпе с пером и молоденькой девушке, одетой по-городскому, но с платком на голове.

— Ну вот, Гедвига Генриховна, — немного шутовски поклонился он первой. — Это и есть наши владения!

Та немного растерянно озидала окрестности и толпящихся мужиков, но пока что не проронила ни слова и лишь осторожно переступала по земле, стараясь не испачкать изящных сапожек. Что же касается нового владельца поместья, то он, без тени улыбки посмотрев на сельчан, щелчком сбил на затылок котелок и только после этого произнес:

— Здорово, что ли, земляки.

— Митька! — растерянно выдохнул кто-то из мужиков. — Не отвела, значит, беду Царица Небесная!

— Цыть ты, анцыбал!¹ — ругнулся на него Кузьма и с поклоном подошел к бывшему односельчанину. — Здравы будьте, Дмитрий Николаевич. А мы уж вас заждались...

— Я вижу, — скривил губы в улыбке Будищев, но глаза его остались холодными.

Вообще-то у него не было ни одной причины хорошо относиться к бывшим односельчанам. Когда почти три года назад он оказался здесь, деревенские относились к нему с откровенной враждебностью и плохо скрытым презрением. Собственно, и за своего его признали лишь с одной целью — отдать в рекруты вместо вытянувшего жребий² полного тезки. В армию Дмитрию не хотелось,

¹ *Анцыбал* — разновидность чёрта.

² Поскольку лиц призывного возраста в те времена было куда больше, чем требовалось, на службу призывали по жребию. Те, кому «посчастливилось», отправлялись в войска, а остальные автоматически зачислялись в ополчение.

тем более что в своем времени он успел в ней отслужить и даже немного повоевать. Да, именно «в своем времени», поскольку до всех этих событий он жил в XXI веке и даже не предполагал, что ему придется пойти на очередную русско-турецкую войну «освобождать Балканы от османского ига».

В общем, Митька-дурачок, как окрестили его в селе, попытался сбежать, но мужики его поймали, избили и сдали на сборный пункт связанного. Но, как ни странно, молодой человек вписался в военный коллектив, проявил на войне храбрость и солдатскую смекалку, а также редкую удачливость, свидетельством чему стали четыре знака отличия военного ордена, или в просторечии «Георгиевских креста». После войны его комиссовали по ранению, и он уж было думал, что никогда более не увидит эти места, но выяснилось, что человек, за которого его все принимали, оказался незаконнорожденным сыном здешнего помещика Блудова, который упомянул его в завещании. И когда остальные наследники скончались, Дмитрий Будищев оказался единственным владельцем имения.

— Это хорошо, любезный Дмитрий Николаевич, — объяснил ему стряпчий в Рыбинске, — что вы, сударь мой, находитесь в купеческом звании. Ныне, слава богу, не прежние времена, когда владеть землёю дозволялось лишь дворянам. Нет, вы не подумайте, конечно же, правила эти обходили, но, сами понимаете... трудно-с!

— Трудно или дорого? — переспросил новоявленный помещик.

— Вот именно-с, — улыбнулся собеседник и продолжил объяснения: — Теперь же никаких препятствий нет. Вы можете владеть, закладывать, перепродавать, в общем, распоряжаться по своему усмотрению. Вы, кстати, как собираетесь поступить?

— Пока не решил, — дипломатично ответил Будищев.

— Вот и правильно-с! — поддержал его стряпчий. — Надобно вам знать, что некоторые из здешних помещиков проявляли интерес к вашим землям. В частности, князь Ухтомский изволил интересоваться.

— Это здешний предводитель коман... то есть дворянства? — поинтересовался Дмитрий, с трудом удержавшись от шутки.

— А вы знакомы?

— Встречались, — неопределенно отозвался Будищев, не став пояснять, что князь был председателем комиссии, призванной решить, не является ли он сумасшедшим.

— Весьма полезное знакомство! Но знайте, никто из местных помещиков вам настоящей цены не даст.

— Почему?

— Да потому, что хозяйство вести они по большей части не умеют, да и не хотят, а земли предпочитают закладывать в банк и жить на проценты. Посему денег у них нет и никогда не будет.

— А купцы?

— Купцы — другое дело. Они могут и дать, если прибыль почуют. Но, конечно же, попытаются вас надуть. Так что держите ухо востро.

— Благодарю за совет. Кстати, а много ли у меня земли? А то я толком и не понял, пока перечисляли.

— Ничего удивительного, так уж у нас документы составляют, что людям без привычки они кажутся китайской грамотой. Но на самом деле, все не так уж и сложно. Итак, до реформы ваш покойный родитель имел село Будищево на двадцать шесть дворов. Девять дворов в соседней деревеньке Мякиши и шесть в Климовке. Итого сорок один двор или сто семьдесят ревизских душ мужеского пола, которые обрабатывали ни много ни мало, а три тысячи десятин земли. Из них две тысячи пахотной, шестьсот десятин леса, а остальное луга и неудобья, которые, впрочем, тоже использовались под пастбища.

После освобождения семьсот тридцать восемь десятин земли перешло в пользование крестьян, за которые из казны было выплачено «по справедливой оценке» двадцать тысяч рублей. От денег этих, скорее всего, ничего не осталось. Ваши сводные братья «постарались», а вот земля вся ваша. Прошу заметить, что пока имение было без присмотра, тамошние крестьяне пользовались в свое удовольствие и лугами и лесами. Так что вы, милостивый государь, коли будет такое желание, легко сможете их в эдакие штрафы загнать, что они, помяните моё слово, век не расплатятся.

— А кто управлял имением все эти годы?

— Некто Бастрыкин Николай Евгеньевич. Отставной поручик, кажется.

— И где же его найти?

— Да кто же его знает, — усмехнулся стряпчий. — Сбежал, сукин сын. Лес продал да и сбежал с деньгами. Так что от древостоя на ваших землях мало что осталось. Кстати, именно по этой причине вам будет трудно получить хорошую цену за имение. Лес, он всегда в цене, а новый когда ещё вырастет.

— Вот оно, значит, как...

— Уж как есть.

В общем, наследство при ближайшем рассмотрении оказалось не таким уж и большим, но, с другой стороны, нечего кочевряжиться, бери, что дают!

Представив крестьянам нового помещика, становой с чиновником отправились напрямик к старосте, где для них накрыли стол, отобедать чем бог послал. Священник, понятное дело, тоже не отказался перекусить с дороги, а вот Будищев приглашение Кузьмы проигнорировал.

— А где же усадьба? — недоуменно спросила Гедвига Генриховна и вопросительно посмотрела на Дмитрия.

— Тут близко, — ухмыльнулся тот.

Тут, пожалуй, надо представить спутников нашего героя. Гедвига Генриховна Берг ещё недавно была до-

вольно популярной в Петербурге модисткой и имела собственную мастерскую по пошиву женского платья. Впрочем, несколько раньше в черте оседлости её знали как Гесю Барнес, мешанку города Бердичева, иудейского вероисповедания.

Чтобы добиться нынешнего положения, ей пришлось через многое пройти и многим пожертвовать. С Будичевым они познакомились на войне, куда она сбежала вслед за своим возлюбленным и поступила в военный госпиталь сестрой милосердия. Увы, предмет её обожания пал в боях за освобождение Балкан, а несчастная девушка осталась совсем одна. Слава богу, нашлись добрые люди, помогшие выправить ей документы и снабдившие средствами на первое время.

Случайно встретившись после войны, они вскоре близко сошлись и вот уже почти месяц жили как муж и жена, правда, невенчанные. Отсутствие свидетельства о заключении таинства брака, конечно же, представляло известные неудобства¹, но Дмитрий не обращал на них никакого внимания, а Гесе приходилось терпеть.

Вторая девушка была в своем роде ничуть не менее примечательной особой. Звали её Степанидой Филипповой или попросту Стешей, и происходила она из мастеровых. Сословие это, ещё совсем недавно крайне немногочисленное, в последнее время растет как на дрожжах, принимая в свои ряды наиболее обездоленных крестьян, бросивших землю и подавшихся в города в поисках заработка. Многие вполне заслуженно полагают «мастеровщину» отбросами общества, склонными к пьянству, буйству и всяческому беспорядкам, однако отец Стеша был человеком степенным и принадлежал к так называемой «рабочей аристократии». Аким Степанович служил машинистом парового молота и получал

¹ Например, могли отказать в заселении в один номер сколько-нибудь приличной гостиницы.

весьма высокое по его положению жалованье, а также имел свой дом, в котором сдавал угол Дмитрию, когда тот только перебрался в Петербург.

И все было бы хорошо, если бы в один далеко не прекрасный вечер любимая дочка не угодила под экипаж лихача. Её, слава богу, спасли, но старик вздумал «искать правду» и вскоре на свою беду нашел. Кончилось это плохо. Избитый до полусмерти машинист через несколько дней умер, а Стеша едва не лишилась рассудка от горя. Тогда Будищев взял на себя заботу о сироте и с тех пор они не расставались¹.

От роду Степаниде было всего шестнадцать лет, так что можно без преувеличения сказать, что девушка вступала в пору своего расцвета. Чуть ниже среднего роста, худощавая, но вместе с тем весьма недурно сложенная, она привлекала внимание своей природной грацией и той внутренней чистотой, которую теперь не часто встретишь в девицах её возраста. Впечатление немного портила короткая стрижка — память о злосчастном происшествии, когда спасавший её доктор безжалостно отрезал роскошную светло-русую косу. Именно поэтому на людях она куталась в платок, отчего незнакомые с их историей люди нередко принимали её за служанку. Сам же Дмитрий относился к ней скорее как к младшей сестренке и всячески опекал, а та платила ему в ответ искренней привязанностью, какой редко одаривают даже родственников.

На козлах рядом с кучером сидел паренек тринадцати лет, можно сказать, ещё один член их странной компании или семьи. Звали его Сёмка, и он был учеником в гальванической мастерской Будищева. С детских лет он был влюблен в Стешу, отчего их даже дразнили женихом и невестой. Девушка иной раз подыгрывала ему, но она была старше, взрослее, и, возможно поэтому, маль-

¹ Подробнее историю Геси и Стеши можно узнать в предыдущих книгах цикла.

чишеские чувства оставались безответными. Но все эти обстоятельства совершенно не мешали им ладить между собой.

Как выяснилось, Дмитрий не обманул Гесю и помещичья усадьба оказалась не так уж и далеко от деревни. Впрочем, «дворянским гнездом» эти строения назвать было трудно. Когда-то здесь действительно стоял барский дом с флигелем и многочисленными службами, в которых кипела жизнь. Отставной капитан-лейтенант Блудов слыл хлебосольным хозяином и даже в некотором роде театралом. Нет, своего крепостного театра у него не было, но кое-какие представления для увеселения соседей он устраивал. Кончилось это тем, что однажды поместье загорелось. Теперь трудно сказать, было ли это следствием неосторожного обращения с огнем, или же крестьяне просто устали от причуд своего барина и пустили ему «красного петуха».

Как бы то ни было, от большинства строений осталась лишь куча обгорелых бревен. Лишившийся большей части имущества помещик перебрался в чудом уцелевший флигель, рядом с которым наскоро возвели каретный сарай и пару амбаров. Произведенное следствие не нашло никаких улик, но обозлившийся на весь мир дворянин упорно указывал на своих крепостных и добился-таки, что несколько семей было сослано в Сибирь¹, вследствие чего и без того не слишком богатое имение пришло в окончательный упадок. Впрочем, старый барин давно умер, сыновья его, занятые службой, в этих краях появлялись редко, а назначенному ими управляющему и такого жилья было довольно.

На потемневшей от времени двери висел совершенно несуразного размера амбарный замок, покрытый многолетним слоем ржавчины. Так что, хотя Будищеву и вру-

¹ Помещики имели право ссылать своих крепостных в Сибирь без объявления причин.

чили ключ от этого чуда механической мысли, открывать сразу он его не стал.

— Сёмка, ну-ка тащи сюда инструменты и масленку не забудь!

— Бегу! — отозвался мальчишка и, кубарем скатившись с козел, быстро доставил своему наставнику требуемое.

Ещё через пару минут замок был очищен и смазан, после чего увесистый ключ неожиданно легко провернулся и с легким щелчком открылся.

— Прошу! — пригласил своих спутников Дмитрий, отворив безбожно скрипящую дверь.

Внутри дома царил полумрак и затхлый запах сырости. Немногочисленная мебель была покрыта толстым слоем пыли, и вообще вид у усадьбы был нежилой и мрачный. Некоторое время новоявленные владельцы растерянно озирали привалившее им счастье, пока нанятый в Рыбинске кучер не разрушил очарование момента.

— Ну что, барин, прикажете сгружать? — хриплым голосом осведомился он.

— Вали кулем, потом разберем! — с коротким смешком махнул рукой Будищев.

— Попрошу аккуратнее! — тут же строго вмешалась Гедвига Генриховна, и работа закипела.

Вещей, впрочем, было не слишком много. Саквояж главы семейства, узелок Сёмки, сундучок Стеша, а также два больших чемодана, кофр и три шляпных коробки госпожи Берг. Плюс большая корзина с продуктами на всех.

— Извольте расплатиться, — с поклоном попросил извозчик, покончив с грузами.

— Стеша, зайка, достань из внутреннего кармана бумажник, а то у меня руки грязные, — обратился к девушке Дмитрий, не заметив, как сверкнули глаза Геси. — И дай человеку красненькую¹.

¹ Банкнота в десять рублей была красного цвета.

— Примите, пожалуйста, — протянула девушка кредитный билет, тут же исчезнувший в широкой ладони труженика кнута и копыт.

— Добавить бы, ваше благородие! — просительно просипел обрадованный такой щедростью кучер.

Этого Гедвига Генриховна стерпеть уже никак не могла и решительно вклинилась между ними.

— Кажется, вам и без того заплатили больше, чем было условлено! — не терпящим возражений голосом заявила она.

— Так овес нынче-то... — начал было привычную волюнку извозчик, но встретившись с глазами прекрасной дочери многострадального еврейского народа, мгновенно всё понял и поспешно вернулся на козлы.

— Благодарствую, ваши благородия! — прокричал он им на прощанье, щелкнув кнутом. — Счастливо оставаться. Будете в Рыбинске, только кликнете, меня там каждая собака знает!

— Дмитрий, нам нужно серьезно поговорить! — строго сдвинула брови Геся.

— Да пожалуйста, — весело отозвался тот, по природной легкомысленности не осознав ещё всей важности момента.

— Ты слишком легкомысленно относишься к *нашим* деньгам!

— О чём ты? — искренне удивился молодой человек.

— Я совершенно точно помню, что с кучером уговаривались на восемь рублей с полтиной!

— Ах вот ты про что, — отмахнулся было Будищев, но заметив выражение лица своей ненаглядной, попробовал всё-таки пойти на попятный: — Да ладно тебе! Старался же человек, колесил вслед за становым по округе...

— Бог мой, разве я против! — всплеснула руками девушка. — Ну и дал бы ему двугривенный сверху, но не